

УДК 343.1: (075.8)

**НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ**

© 2014 г.

П.Г. Марфицин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

pavel@marfitsin.ru

Поступила в редакцию 15.12.2014

Характеризуются отдельные новеллы уголовно-процессуального законодательства. Обозначаются проблемные вопросы их реализации на практике.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, проверка сообщений о преступлении, адвокат, меры поощрения позитивного послепреступного поведения, сокращенная форма дознания, получение объяснений.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства продолжается достаточно активно. Об этом свидетельствует появление правовых институтов, которые либо существовали ранее и возрождаются в новых условиях, либо вообще не были известны российскому уголовному судопроизводству. Вместе с тем не все эти процессы протекают гладко. Остановимся на некоторых проблемных вопросах, в первую очередь касающихся возможности расширения сферы деятельности адвокатов в производстве по уголовному делу.

Как известно, адвокат в обозначенной сфере выполняет несколько основных функций: защиту прав и интересов подозреваемого, обвиняемого; представительство потерпевшего, гражданского истца, ответчика. Существуют и иные, не выраженные столь четко, как указанные выше. Например, присутствие при производстве обыска в помещении лица, не являющегося подозреваемым или обвиняемым, участие в допросе свидетеля и др.

Наиболее реализуемой является первая из указанных функций. Отношения, возникающие при ее применении, являются и более четко разработанными в законе. Хотя и здесь имеются недостатки правового регулирования. Что касается иных функций, то в реальном правоприменении их использование ограничено, а это сужает сферу деятельности адвокатов. Причин тому несколько, в том числе недостаточная законодательная база.

Стимулированию деятельности адвоката в обозначенной области способствуют практически все законодательные новеллы. Так, введя Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ часть 1.1 ст. 144, законодатель, по сути, впервые обозначил адвоката как участника стадии возбуждения уголовного дела. При

этом он указал, что возможность пользоваться услугами адвоката должна быть предоставлена всем лицам, участвующим в проверке сообщения о преступлении. Справедливости ради следует отметить, что адвокат мог и ранее выполнять отдельные функции на этом этапе судопроизводства. В частности, те, которые проистекают из ч. 2 ст. 2 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Например, давать консультации, составлять заявления, жалобы, ходатайства и пр. И сейчас эти права у адвоката остались. Поэтому признание адвоката участником стадии возбуждения уголовного дела можно отчасти рассматривать как формальный акт.

К сожалению, незавершенность правового регулирования этого вопроса порождает ряд проблемных ситуаций, которые негативно сказываются на правоприменении. Осложняется это еще и тем, что ряд проверочных действий (например, получение объяснений, производство ревизий и документальных проверок, истребование и изъятие предметов и документов и др.) не содержат закрепленной в законе детальной процедуры производства. Это вызывает ряд вопросов, связанных с возможностью участия адвоката в таких действиях, моментом его допуска в производство указанной проверки, выполняемой функцией, правовым статусом и др.

Рассмотрим это на примере самого применяемого проверочного действия – получение объяснений. При этом еще раз подчеркнем, что законодательно закрепленной процедуры осуществления такого действия не существует.

Кроме того, в стадии возбуждения уголовного дела еще нет таких участников, как подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик. Приобретение соответствующих статусов этими

субъектами происходит после принятия итогового решения первоначальной стадии уголовного процесса – возбуждения уголовного дела. При проверке первоначальной информации о преступлении можно говорить лишь о потенциальных подозреваемых, потерпевших, свидетелях и др. В связи с этим и с учетом рассматриваемой нами проблематики, можно обозначить ряд вопросов. Например:

– любой ли из указанных выше участников обладает правом пользоваться услугами адвоката при даче объяснений;

– распространяются ли на эти ситуации правила ст. 51 УПК РФ об обязательном участии защитника;

– существует ли при этом обязанность должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, обеспечить участие адвоката;

– какими правами и обязанностями обладает защитник, участвующий в получении объяснений?

Чтобы ответить на эти вопросы, осуществим системное толкование норм УПК РФ. В части 2 ст. 49 УПК РФ указано, что **защитник** (обратим внимание – именно защитник, а не адвокат) участвует в уголовном деле с момента начала осуществления проверочных действий, затрагивающих права и свободы **лица, в отношении которого проводится проверка** (на этом также сделаем акцент) сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Таким образом, формулировка данной нормы явно указывает на то, что адвокат может участвовать при получении объяснения у потенциального подозреваемого (обвиняемого). Хотя при этом возникает достаточно сложный вопрос о том, как определить, затрагивает ли конкретное проверочное действие права и свободы конкретного лица.

Подобных предписаний не содержится относительно иных участников стадии возбуждения уголовного дела. Как мы отмечали ранее, фигуры потерпевшего здесь еще не существует, а значит, нет и представителя потерпевшего, функцию которого может выполнять адвокат. На рассматриваемом этапе судопроизводства нередко участвует заявитель. Хотя заявитель и потерпевший (даже потенциальный) это не всегда одно и то же лицо. Но заявитель не наделен правом иметь представителя.

Уместно здесь вспомнить предписание ч. 5 ст. 189 УПК РФ: «Если свидетель явился на допрос с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи, то адвокат присутствует при допросе...». Но, как было указано выше, статус свидетеля, исходя из формулировки

ч. 1 ст. 56 УПК РФ, лицо может приобрести только после возбуждения уголовного дела. При проверке сообщения о преступлении оно является свидетелем фактически, но не юридически.

Таким образом, на законодательном уровне вопрос об участии адвоката в процедуре получения объяснения решен только в отношении лица, фактически являющегося подозреваемым. Причем сделано это не путем формулирования прямого предписания.

Относительно иных участников доследственной проверки, о возможности использования такого права следует говорить лишь гипотетически. При этом можно оперировать допустимой в уголовном судопроизводстве аналогией права. Уместным будет использование позиций Конституционного и Верховного судов РФ, которые неоднократно подчеркивали, что обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве должно проистекать из фактического положения, занимаемого лицом, а не из формальных актов, подтверждающих это положение¹. В качестве аргумента можно использовать и общий посыл, имеющий место в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, где говорится, что возможность пользоваться услугами адвоката должна быть предоставлена всем участникам проверки сообщения о преступлении. Представляется, что при разрешении этих вопросов в реальном правоприменении решающую роль будет играть настойчивость адвоката в отстаивании интересов своего доверителя.

Ответ на второй из обозначенных нами вопросов также не однозначен. С одной стороны, в ч. 1 ст. 51 УПК РФ указано: «Участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если...». Если учесть, что под уголовным судопроизводством понимается досудебное и судебное производство по уголовному делу (п. 56 ст. 5 УПК РФ), а досудебное производство включает в себя и стадию возбуждения уголовного дела (п. 9 ст. 5 УПК РФ), то кажется несомненным, что в период доследственной проверки сообщения о преступлении должны действовать правила об обязательном участии защитника в установленных законом случаях. С другой стороны – после слова «если» в ч. 1 ст. 51 УПК РФ указаны ситуации, когда лицо обладает статусом подозреваемого или обвиняемого. В стадии возбуждения уголовного дела, как мы неоднократно указывали выше, такого быть не может. Таким образом, и этот вопрос однозначно разрешить с использованием только законодательных предписаний не удастся. Апеллировать можно к указанной выше позиции Конституционного и Верховного судов РФ. В этом случае ответ на наш вопрос должен быть положительным.

При таком подходе следует настаивать и на том, что органы (должностные лица), осуществляющие досудебную проверку сообщения о преступлении, обязаны обеспечить участие адвоката в получении объяснения, но только от лица, фактически занимающего статус подозреваемого. Остается только убедить правоприменителей в правильности данного подхода. А это не всегда просто.

В плане определения прав и обязанностей адвоката, участвующего в получении объяснения, можно воспользоваться предписаниями ч. 2 ст. 53 УПК РФ. Она в равной степени распространяет свое влияние на следственные действия, осуществляемые как с подозреваемым, обвиняемым, так и со свидетелем (ч. 5 ст. 189). Но формально здесь также проявляется некоторая несогласованность. Так, в указанной норме речь идет о правах адвоката, участвующего в производстве следственного действия. Получение объяснения следственным действием не является, хотя имеет значительное сходство с допросом. Поэтому, чтобы признать возможным реализацию адвокатом этих прав при получении объяснения, необходимо обратиться к правилам использования аналогии, которая, как мы отмечали выше, в уголовном судопроизводстве допустима.

Подобный анализ и рассуждения можно использовать относительно участия адвоката в иных проверочных действиях (производство ревизий и документальных проверок, изъятие предметов и документов и др.). При этом необходимо исходить из того, что четких законодательных предписаний в этой сфере так и не появилось. В таких условиях существенно повышается роль умения и способности адвоката отстаивать свою позицию и интересы доверителя.

Достаточно обширная сфера, где может быть значительно увеличен потенциал адвокатской деятельности, на мой взгляд, может быть объединена следующим наименованием: «Использование мер поощрения позитивного постепреступного поведения обвиняемого (подозреваемого)».

К данным мерам относятся те, которые позволяют не только оптимизировать осуществление правосудия, но и в значительной степени учесть интересы обвиняемого посредством сокращения сроков производства по делу, минимизации размера наказания либо освобождения от него. Речь идет о возможности прекращения уголовного дела (причем и на досудебном этапе) в связи с примирением с потерпевшим, деятельным раскаянием во всех его формах, включая противоправные деяния в сфере экономической деятельности, поощрении сотрудничества обвиняемого с органами, осуществляющими судопроизводство, посредством заключения

досудебного соглашения, использования особого порядка судебного заседания, производства дознания в сокращенной форме и др. Данные правовые институты не только предоставляют определенные возможности для адвоката и доверителя, но и обладают определенной социальной ценностью, что также нельзя игнорировать, особенно когда речь идет о роли и месте адвокатского сообщества в системе общественных отношений в целом.

Перечень таких мер в последние годы законодателем развивается достаточно активно, что указывает на определенную демократизацию уголовного судопроизводства. Однако в реальном правоприменении они не всегда используются в полном объеме. Некоторые позитивные моменты здесь можно отметить только в реализации таких правовых институтов, как прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием, использованием особого порядка судебного разбирательства. Причины недостаточной активности в использовании остальных мер различны. В том числе можно говорить и о недостаточной роли адвокатов в их реализации. Проиллюстрирую это на отдельных примерах.

За время, прошедшее после вступления в силу Федерального закона № 141-ФЗ, институт досудебного соглашения о сотрудничестве получил некоторое распространение в судебной следственной практике. Однако вопреки намерениям авторов законодательной новеллы, количество уголовных дел, по которым заключаются досудебные соглашения о сотрудничестве, остается сравнительно небольшим. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, в 2012 г. судами всех уровней судебной системы Российской Федерации рассмотрено 2969 уголовных дел, по которым были заключены досудебные соглашения о сотрудничестве, что составляет 0,3% от общего количества рассмотренных уголовных дел. В 2013 г. в порядке гл. 40.1 УПК РФ рассмотрено 2289 уголовных дел, или 0,25% от общего количества рассмотренных уголовных дел.

Можно ли активизировать эту сферу деятельности? Конечно, да. И вот некоторые направления. Так, вопрос о том, кто должен (и должен ли) разъяснять подозреваемому (обвиняемому) право на заключение такого соглашения и связанные с этим последствия прямо в законе не разрешен.

Исследователи утверждают, что единообразие в правоприменении не сложилось [1]. Так, в Приморском крае 17% опрошенных следователей сообщили, что в большинстве случаев они не разъясняют обвиняемым право на заключе-

ние досудебного соглашения, поскольку не считают это необходимым в каждом случае. В других регионах (например, Красноярском крае), следователи не только разъясняют данное право, но и оформляют это специальным протоколом.

Законодатель, указав в ст. 317.1, что инициатива о заключении соглашения должна исходить от подозреваемого или обвиняемого, не обозначил, каким образом данное лицо узнает о возможности реализации такой инициативы. В этой процедуре, на наш взгляд, весьма значима роль защитника. Было бы правильным, чтобы именно они взяли на себя эту функцию. Формы популяризации указанных правовых институтов могут быть различными. Главное, чтобы они достигали своей цели.

Указанное в определенной степени можно считать актуальным и для повышения эффективности использования иных мер поощрения позитивного послепреступного поведения лица. Особенно тех, которые дают весьма значимый общественно полезный результат (например, использование положений ст. 28.1 УПК РФ).

К числу мер, поощряющих позитивное поведенческое поведение лица, совершившего преступление, можно отнести введенное Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. производство дознания в сокращенной форме. В первую очередь следует отметить ускоренные сроки этого производства, в наличии которых могут быть заинтересованы не только органы расследования, но и подозреваемый, а также ограничение срока максимального наказания (которое не может превышать одну вторую от размера наиболее строгого вида наказания), что должно привлечь внимание лица, совершившего преступление (ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ).

Однако на практике такие новеллы были восприняты неоднозначно. Так, с 15 марта по октябрь (включительно) 2013 года в суды с обвинительными постановлениями направлено более 5 тыс. уголовных дел, производство по которым осуществлялось дознавателями подразделений органов внутренних дел Российской Федерации. Наиболее активно эта форма расследования применялась подразделениями дознания ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (499 уголовных дел), МВД по Республике Бурятия (297), УМВД России по Астраханской области (273), ГУ МВД России по Красноярскому краю (267), УМВД России по Тюменской области (243). Однако в некоторых субъектах Российской Федерации подразделениями дознания в сокращенной форме дознания расследовано от двух до шести преступлений, а в двух субъектах данный вид дознания вообще

не применялся [2]. В г. Н. Новгороде и Нижегородской области эти показатели крайне низки. Единичные факты расследования с использованием сокращенного дознания имели место в районах области, а более чем за год, прошедший с появления этой законодательной новеллы, в самом Нижнем Новгороде дознание в сокращенной форме проведено всего один раз. Объективности ради надо отметить, что в 2014 г. ситуация несколько изменилась. Указанная новелла стала применяться, но лишь локально (например, на территории Балахнинского и некоторых других районов). Повсеместного активного использования ее так и не наблюдается.

Причины такого явления необходимо рассматривать в разных плоскостях. Можно говорить о недостаточно удачных формулировках закона, включая пробельность права, непоследовательность правового регулирования и пр. Нельзя исключать и инертность правоприменителей, в первую очередь дознавателей. И многое другое. Вместе с тем нельзя умолчать и о недостаточной популяризации рассматриваемой формы расследования. Представляется, что адвокаты, в каком бы статусе (защитника или представителя) они ни выступали, могут внести свой вклад в это дело. Тем более что этому в значительной степени способствует заинтересованность доверителей.

Еще одна сфера, где деятельность адвокатов может быть активизирована – представительство интересов отдельных участников уголовного судопроизводства.

Появление адвоката в качестве представителя потерпевшего, в отличие от защитника обвиняемого, происходит, как правило, только по воле потерпевшего и за его счет. В связи с этим в реальном правоприменении возникали и возникают проблемы.

Во-первых, потерпевшие редко обращаются к адвокатам по вопросам представительства. Это подтверждается и данными эмпирического исследования. На вопрос «Как часто Вам приходилось выступать в качестве представителя потерпевшего?» 73.6% опрошенных нами адвокатов ответили, что ни разу, 16.2% – указали, что такие случаи были единичными. Респонденты обратили также внимание на то, что у них и не возникает желания представлять интересы потерпевшего. При этом подчеркнули, что причины кроются в ограниченности возможностей по защите прав данного участника уголовного судопроизводства, а также в отсутствии материальной заинтересованности.

Наличие первой причины при уровне развития современного уголовно-процессуального законодательства вполне объяснимо. Поскольку

статус представителя корреспондирует с правовым статусом потерпевшего (ч. 3 ст. 45 УПК РФ), то и объем прав данного участника судопроизводства состоит в том же дисбалансе с правами защитника, в котором находятся статусы потерпевшего и обвиняемого. Обеспечивать защиту прав и законных интересов представляемого в такой ситуации действительно гораздо сложнее адвокату – представителю потерпевшего, нежели адвокату – защитнику обвиняемого. Поэтому необходимо минимизировать такой дисбаланс. Такие предложения представителями теории уголовного процесса сформулированы.

Со стороны потерпевших причины необращения к адвокатам по поводу представительства в уголовном судопроизводстве также различны. Прежде всего это отсутствие желания и возможности нести дополнительные расходы, которые в дальнейшем могут быть некомпенсированными. Таким образом, и у адвокатов, и у потерпевших имеется общая точка соприкосновения (или, точнее, несоприкосновения) в этом вопросе – материальная (финансовая) составляющая.

Отсюда вторая проблемная ситуация, которая в значительной степени связана с компенсацией расходов потерпевшего на представительство. В соответствии с ч. 3 ст. 42 УПК РФ потерпевшему обеспечивается возмещение расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя. При этом в данной норме содержится отсылка к ст. 131 УПК РФ.

Действительно, в ст. 131 УПК РФ «Судебные издержки» указано значительное число ситуаций, в ходе которых потерпевший может претендовать на компенсацию расходов. Однако до внесения изменений в эту норму законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, применительно к рассматриваемой нами ситуации, из этих предписаний могли быть учтены только два. В пункте 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ предусмотрены выплаты адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, на покрытие расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием. Кроме того, в п. 5 этой же нормы указаны суммы, выплачиваемые адвокату за оказание им юридической помощи в случае его участия в уголовном судопроизводстве по назначению. И в той, и в другой ситуации речь идет об участии адвоката по назначению, что не характерно для представительства потерпевшего. Иных законодательных установлений о возможности возмещения потерпевшему расходов на представителя в УПК РФ не сохранилось.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ часть 2 статьи 131 УПК РФ дополнена п. 1¹ следующего содержания: «1¹) суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего». Однако мы не считаем, что законодательное регулирование этого вопроса стало полным. В частности, продолжает оставаться вопрос о том, кто будет компенсировать эти траты?

В соответствии с ч. 1 ст. 132 УПК РФ процессуальные издержки взыскиваются с осужденного или возмещаются за счет средств федерального бюджета. В этой же статье имеется ряд оговорок. Например, в ч. 4 указано, что если обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был принят и защитник участвовал в деле по назначению, то расходы на оплату его труда возмещаются за счет средств федерального бюджета. Обратим внимание на то, что здесь речь идет только о защитнике подозреваемого, обвиняемого. Следовательно, эту норму нельзя распространить на адвоката – представителя потерпевшего. Во-вторых, хотя законодатель и употребил здесь термин «по назначению», он изложил одну из частных ситуаций такой процедуры. Она гораздо объемнее (ст. 50–51 УПК РФ), и во всех случаях, когда защитник участвует по назначению, расходы по оплате его труда должны компенсироваться за счет средств федерального бюджета (ч. 5 ст. 50 УПК РФ).

Относительно представителя потерпевшего ситуация иная. Этот участник также может действовать по назначению. Такой вывод проистекает из содержания ч. 2 ст. 45 УПК РФ, где указано, что для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители. В связи с этим мы не можем согласиться с мнением о том, что уголовно-процессуальное законодательство не знает случаев обязательного участия представителя потерпевшего. В пункте 8 постановления Пленума Верховного суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», также подтверждена обязательность участия представителя, в том числе и законного, в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 45 УПК РФ.

Поэтому мы приветствуем позицию законодателя, которая нашла отражение во вновь введенной норме – ч. 2¹ ст. 45 УПК РФ. Здесь указано, что по ходатайству законного представи-

теля несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета. Хотя и по этому поводу у нас имеются замечания. Суть их состоит в значительном количестве ограничений (оговорок), которые предусмотрены для его реализации.

Следуя логике закона, в случаях, когда представительство потерпевшего было договорным, понесенные расходы могут быть как взысканы с обвиняемого, так и возмещены за счет бюджетных средств. Первый из вариантов мы не считаем предпочтительным. Даже если он будет иметь четкую законодательную регламентацию и состоится судебное решение о взыскании с осужденного соответствующих издержек, у нас есть большие сомнения, что эту сумму получит потерпевший. Причина может быть банальной – отсутствие у осужденного денежных средств или иных источников, посредством которых можно удовлетворить иски притязания. В жизни чаще всего так и бывает. Это наглядно демонстрирует практика возмещения вреда, причиненного преступлением. А если судебного решения по этому вопросу не будет (например, производство по делу прекращено на стадии предварительного расследования), то ситуация видится еще более сложной.

Мы являемся сторонниками подхода, согласно которому любой потерпевший при производстве по уголовному делу должен обеспечиваться бесплатной квалифицированной юридической помощью, несмотря на то, что разрешить этот вопрос не так легко, как это может показаться на первый взгляд. Здесь имеются и правовая, и финансовая составляющие. С первой из них определиться проще, но, тем не менее, авторы законопроектов о потерпевшем от преступления обходят его стороной.

В связи с изложенным, изменения необходимо внести не только в УПК РФ, но и в Феде-

ральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», а также ряд иных нормативных актов: постановление Правительства Российской Федерации от 4 июля 2003 г. № 400 «О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда», Приказ Министерства юстиции и Министерства финансов Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 257/89н «Об утверждении порядка расчета оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, в зависимости от сложности уголовного дела».

Таким образом, потенциал развития законодательства и адвокатской практики в сфере обеспечения защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, представляется весьма значительным.

Примечание

1. Наиболее известным и часто употребляемым в качестве аргумента в этой сфере является Постановление Конституционного суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова».

Список литературы

1. Овчинников Ю.Г. Процессуальный порядок разъяснения прав подозреваемому или обвиняемому на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2011. № 15. С. 29–30; Ткачев И.В., Тиссен О.Н. Сравнительный анализ правовой регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве и особого порядка судебного разбирательства в российском уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2011. № 1. С. 80.

2. Обзор правоприменительной практики производства дознания в сокращенной форме за 10 месяцев 2013 года: письмо УОД МВД России от 13 дек. 2013 г. Исх. № 90/2217.

SOME TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW AND PRACTICE OF ITS APPLICATION

P.G. Marfitsin

Some innovations in the legislation concerning criminal procedure are characterized. Problematic issues of their implementation in practice are identified.

Keywords: criminal procedure, verification of crime reports, lawyer, measures to encourage positive post-crime behavior, short form of inquiry, obtaining explanations.

References

1. Ovchinnikov Yu.G. Processual'nyj poryadok raz"yasneniya prav podozrevaemomu ili obvi-nyaemomu na zaklyuchenie dosudebnogo soglashe-niya o sotrudnichestve // Rossijskij sledovatel'. 2011. № 15. С. 29–30; Tkachev I.V., Tissen O.N. Sravni-tel'nyj analiz pravovoj reglamentacii dosudebnogo
soglasheniya o sotrudnichestve i osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve // Ugolovnoe pravo. 2011. № 1. S. 80.
2. Obzor pravoprimeritel'noj praktiki proizvodstva doznaniya v sokrashchennoj forme za 10 mesyacev 2013 goda: pis'mo UOD MVD Rossii ot 13 dek. 2013 g. Iskh. № 90/2217.